Акад. И. И. Толстой

ИЗ ОБЛАСТИ БОСПОРСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Конец I в. до н. э. — начало I в. н. э. — это время жестокого напряжения внешней и внутренней обстановки на Боспоре. В истории Боспора этого времени начинает играть все более и более видную роль местное негреческое население. Скифо-сарматский мир становится одной из решающих сил и в международных отношениях всего древнего мира. Именно поэтому римские принцепсы напряженно следят за военной обстановкой в Причерноморье и стремятся контролировать политику боспорских царей.

В связи с этим для исследователя истории Северного Причерноморья этого времени особый интерес приобретают вопросы этнического состава населения и этнической борьбы в Боспорском царстве. При скудости и отрывочности наших источников вполне естественно, что многие из этих вопросов остаются неясными и спорными. Так, в частности, не может считаться решенным вопрос о значении термина «аспургиане».

Далеко не достаточно исследованы и вопросы этнического состава населения Танаиса — этого своеобразнейшего полиса, который представлял собой крайний северо-восточный пункт античного мира. Вопрос об этническом составе населения Танаиса особенно важен потому, что, как справедливо отметила Т. Н. Книпович, в этом городе в I—III вв. н. э. «идет борьба за власть над данной областью, и претендентами выступают, с одной стороны, представители господствующих слоев местного населения района Придонья, с другой — господствующий класс Танаиса, с третьей — правительство Боспора, желающее прочно захватить в свои руки основанную им колонию»[1].

*

В вопросе о значении термина «аспургиане» данные источников чрезвычайно скудны и неясны. У Страбона «аспургиане» упоминаются в связи с рассказом о гибели Полемона, сирийского грека, сына ретора Зенона Лаодикейского, бывшего римским ставленником на боспорском престоле. Это событие относится к 8 г. до н. э. Страбон сообщает: «К числу меотов принадлежат и аспургиане, живущие между Фанагорией и Горгиппией, на пространстве в 500 стадиев. Напав на них под личиной дружбы, царь Полемон, чья хитрость была ими раскрыта, сам был, в свою очередь, ими обманут и умер, попав к ним в плен» (XI, 2, стр. 495). А в XII книге, рассказывая о Пифодориде, Страбон сообщает, что «Пифодорида,

[1] Т. Н. Книпович, Танаис, М.—Л., 1949, стр. 101.

ставшая женой Полемона, царствовала вместе с ним некоторое время, а после того как он скончался в местности так называемых аспургиан, варваров из числа обитателей Синдики, наследовала власть» (XII, 3, стр. 556). Итак, аспургиане — это, по Страбону, жители Прикубанья, где-то между Таманью и Анапой.

По мнению В. В. Латышева, «... соответствие имени Аспурга и народа Аспургиан заставляет нас предполагать, что Аспургиане не составляли особого народа, отличного от меотов и пришедшего извне, а были частью меотов и получили это имя оттого, что помогали Аспургу в его войне против Полемона» (Πολιτικά, стр. 103). Таким образом, считая аспургиан «частью меотов», Латышев в то же время усматривает в этом термине не этническое название, а политическое прозвище, исторически возникшее в обстановке прихода Аспурга к власти. Развивая мысль Латышева дальше, Ростовцев видит в аспургианах «дружину царя Аспурга, которую он вывел с собой с берегов Азовского моря или из глубины Сарматии и которая помогла ему добывать престол»; в благодарность за это Аспург «поселил ее в лучших местах Тамани, между Горгиппией и Фанагорией, как свой оплот и свою гвардию»[1]. Все это сплошные домыслы, в подкрепление которых Ростовцев никаких реальных фактов не приводит, за полным отсутствием таковых в действительности.

В одном отношении Латышев безусловно был прав: термин «аспургиане» определял собой не этническое, а какое-то другое понятие. Что аспургиане не составляли особого племени, доказывается содержанием царской титулатуры в тексте посвятительной надписи Менестрата на базе статуи царя Аспурга (IOSPE, II, 36): там среди племен, подчиненных Аспургу и перечисляемых в его царском титуле, названы синды, маны, тарпиты и тореты, но аспургиане отсутствуют, хотя, казалось бы, в надписи, посвященной Аспургу, как на это вполне правильно указал Д. П. Каллистов, «упоминание об аспургианах, если бы таковые действительно представляли собой особое племя, было бы совершенно обязательным». Именно это и дает нам полное основание, заключает Каллистов, «утверждать, что аспургиане не этническое наименование, но термин, обозначавший политических сторонников Аспурга»[2].

Назвать, впрочем, это мнение общераспространенным никак нельзя: многие из советских филологов и археологов продолжают усматривать в аспургианах племя. Так, В. Ф. Гайдукевич считает аспургиан сарматским племенем, расселившимся в Синдике, между Фанагорией и Горгиппией, из состава населения которого была, повидимому, скомплектована личная дружина Аспурга[3]. На этническом содержании термина «аспургиане» настаивает Е. С. Голубцова, отказывающаяся видеть в аспургианах личную дружину Аспурга[4].

Таким образом, сложный вопрос о смысле названия «аспургиане» не может и посейчас считаться выясненным окончательно. Поэтому в целях дальнейшего освещения термина «аспургиане» окажется, может быть, уместным предложить на обсуждение следующие соображения.

Формальная связь названия «аспургиане» с именем Аспурга не подлежит, конечно, никакому сомнению. Но если связь названия «аспургиане» с именем Аспурга и неоспорима, то историческое происхождение этой

---

[1] М. И. Ростовцев, Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа, «Древности», т. XXV (1916), стр. 16 сл.

[2] Д. П. Каллистов, Политика Августа в Северном Причерноморье, ВДИ, 1940, № 2, стр. 71 сл.

[3] В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 316.

[4] Е. С. Голубцова, Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры, М., 1951, стр. 112.

связи, по существу, скрыто от нас. Если имя царя Аспурга и название коллектива, этнического или иного, «аспургиане» и восходит этимологически к одному и тому же, общему для обоих этих слов, корню, то отсюда вовсе еще не вытекает, будто между этим коллективом и боспорским царем должна была непременно существовать какая-то историческая взаимосвязь.

Если предположить, что аспургиане действительно составляли особое племя и получили свое название оттого, что помогали Аспургу в его войне против Полемона, вследствие чего и стали потом личной дружиной царя, то, во-первых, несомненно странным представится молчание на этот счет Страбона: почему он ни словом не обмолвился по поводу происхождения этого названия, когда он как раз рассказывал историю борьбы Полемона с Аспургом? Во-вторых, уже вовсе загадочным остается тогда то обстоятельство, что официальная должность «начальника аспургиан», или «заведующего аспургианами», еще двести лет спустя продолжала существовать на Боспоре, когда, казалось бы, сама память о царе Аспурге должна была уже давно поблекнуть. Наконец, нельзя не отметить также, что, сообщая историческое предание о гибели Полемона, Страбон ни в какую связь с Аспургом название «аспургиане» не ставит: он указывает только, что в результате какой-то неудавшейся ему хитрости Полемон попал в плен к «так называемым аспургианам» и там умер. Ни о какой дружине царя у Страбона нет речи, как нет речи у него и о том, будто аспургиане получили свое прозвание по Аспургу: не «названные» (κληθέντες, причастие аориста), а «прозываемые» (καλούμενοι, причастие настоящего времени) — вот выражение, употребленное Страбоном; оно позволяет предполагать, что название «аспургиане» никакого отношения к боспорскому царю Аспургу не имело и было на Боспоре в ходу еще до пленения Полемона. Конечно, слово «аспургиане» образовано от имени Аспург, но более чем вероятно, что человек, от имени которого возникло название «аспургиане», не царь Боспора, а какое-то другое, неизвестное нам лицо, основатель, быть может, какого-нибудь местного культового фиаса или местного полувоенного, полуразбойничьего объединения.

Особо стоит вопрос о боспорской должности ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν, или, как обычно переводят этот термин на русский язык, о «начальнике аспургиан». В. В. Латышев со всей определенностью подчеркнул, что «до времени Полемона аспургиане нигде не упоминаются», а «потом они встречаются в надписях III в. н. э.» (Понтика, стр. 103). Первая из этих надписей (IOSPE, II, 29) происходит из Пантикапея и является записью о посвящении благодарственного дара (памятного столба) Зевсу Сотеру и Гере Сотейре за победу царя Тирана и за здравие царицы Элии, приносимого «аристопилитами», т. е. лицами, занятыми какой-то важной службой при боспорском дворе. Среди них упомянут (стк. 16) некто Фанн, сын Саклея, исполняющий обязанности хилиарха и одновременно состоящий «начальником аспургиан»[1]. Необходимо, впрочем, заметить, что правильность такого именно перевода греческого термина ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν уже давно поставлена под сомнение Брандисом (RE, III, 780). Тот же термин встречается и в танаисских надписях IOSPE, II, 431 и 431 bis[2], причем ближайшую аналогию форме этого титула, означающего заведывание чем-то и образуемого предлогом ἐπὶ с последующим родительным, дают такие, во множестве засвидетельствованные боспорской эпиграфикой (см. IOSPE, II, указатель) выражения, как «начальник острова» (ὁ ἐπὶ τῆς νήσου), «начальник двора» (ὁ ἐπὶ τῆς

[1] Φάννης Σακλέως, χιλιάρχης καὶ ἐπ[ὶ] τῶν Ἀσπουργιανῶν.
[2] См. Т. Н. Книпович, ук. соч., стр. 94.

αὐλῆς), «заведующий конюшней» (ἐπὶ τοῦ ἱππῶνος) (ИГАИМК, 104, стр. 60—64), «заведующий отчетами» (ὁ ἐπὶ τῶν λόγων), «заведующий священными делами», или как это, пожалуй, правильнее переводить, «заведующий священными суммами» (ὁ ἐπὶ τῶν ἱερῶν) и др.

Следует, однако, иметь в виду, что перевод «начальник аспургиан» в тексте рассматриваемой формулы, передающей понятие должностного заведывания, быть может, и ошибочен, так как форма родительного падежа множественного τῶν Ἀσπουργιανῶν допускает двоякое истолкование: либо это мужской род, либо средний, причем гораздо проще принимать ее за средний, а не за мужской. Брандис склонен был предполагать, что разбираемая нами формула означала заведывание не людьми, а местностью, названной по какому-то Аспургу «аспурговой», и что, иначе говоря, именительным к τῶν Ἀσπουργιανῶν было не οἱ Ἀσπουργιανοί, «аспургиане», а τὰ Ἀσπουργιανά, «аспурговы», например «Аспурговы укрепления» (τὰ Ἀσπουργιανὰ τείχη). Такова точка зрения Брандиса, безусловно заслуживающая серьезного внимания, хотя в русской литературе она сочувствия и не встретила: родительный Ἀσπουργιανῶν пантикапейских и танаисских надписей продолжает попрежнему осмысляться у нас как мужской род: «аспургиане, аспургиан».

Если мы попробуем теперь отдать себе отчет в речевой форме слова «аспургиане» (Ἀσπουργιανοί), то сейчас же увидим, что, во-первых, эта форма не греческая, а латинская, и что, во-вторых, она является образованием деноминативным.

Для образования прилагательных, производных от имен, служат в латинском языке два форманта: суффикс *-an-*, когда основа имени кончается на гласный звук, и суффикс *-ān-*, когда она кончается на согласный: *Sulla—Sullanus*, *prīma—primanus*, *Roma — Romanus*, но *Caesar—Caesarīanus*, *Nero* (gen. *Neronis*) — *Neronīanus*. Те же нормы словообразования и в таких словах, как *Aspurgianus* (от *Aspurg-us*) или *Christianus*, «христианин, христиане» (прилагательное от *Christ-us*), «последователи Христа». *Aspurgiānī* — «сторонники», или «последователи Аспурга», подобно тому, как *Pompeiani* («помпеянцы») значит «сторонники Помпея». В точной передаче на русский язык термин Aspurgiani значит не «гвардия» Аспурга, а скорее всего «последователи Аспурга, аспургвцы». Делаем вывод: форма Ἀσπουργιανοί (аспургиане) есть форма, образованная согласно правилам латинской грамматики — иначе говоря, для истории Боспора это форма сравнительно поздняя, периода римского влияния на Боспоре. Следовательно, племенным такое название быть не может: перед нами название социально-политического порядка[1]. Кто был тот Аспург, по имени которого названа была группа его последователей или приверженцев из состава меотийских племен, живших на левобережней стороне Кубани или античного Антикрита, — мы сказать не можем, но, во всяком случае, имеющийся в нашем распоряжении материал не дает нам никаких оснований усматривать в нем боспорского царя Аспурга, правившего с 8 по 38 г. н. э. Думать, будто имя «Аспург» было династическим, что оно будто бы принадлежало специально царскому роду, мы опять-таки вряд ли

[1] Греческие слова на -ιαν очень редки. Наиболее известно название «фазанской» птицы, *фазана*, которая и теперь еще водится на Кавказе и название которой имеет прямую связь с названием реки Фасиса. Ксенофонт (Anab., IV, 6, 5 и V, 6, 36) применяет выражение «фаспане» также и к людям, прибрежным жителям этой реки. У Страбона (VII, 4, стр. 309) с тем же суффиксом образовано название жителей Боспора — «боспорпане», но в классическую эпоху прилагательное, их обозначающее, дает иное, чисто греческое суффиксальное образование — «боспории».

вправе. Такому предположению противоречили бы такие, например, эпиграфические документы, как надпись навклеров, происходящая из Горгиппии, — имя «Аспург» носит один из очередных магистратов города, ведавших отдачей пошлин на откуп[1]. Отсюда ясно, что имя «Аспург» носили и рядовые граждане. Да в этом и нет ничего удивительного. «Негреческие имена жителей Боспора, — правильно говорит В. Ф. Гайдукевич, — гораздо более многочисленны в римское время, чем в предшествующую эпоху, и особенно на окраине государства. Очень показательно, что почти $^2/_3$ общего числа негреческих собственных имен Танаиса могут быть объяснены, если исходить при толковании их из иранских языков. Наличие такого рода имен в боспорских городах справедливо объясняется непрерывным притоком сарматского населения, язык которого, так же как и язык алан, принадлежал к иранской языковой группе» (ук. соч., стр. 346). Определенно иранским по своей деривации является и имя Аспурга, в начальную часть которого входит древнеиранская морфема *asp*, давшая образование древнеиранскому слову *aspa*, «*конь, лошадь*»[2].

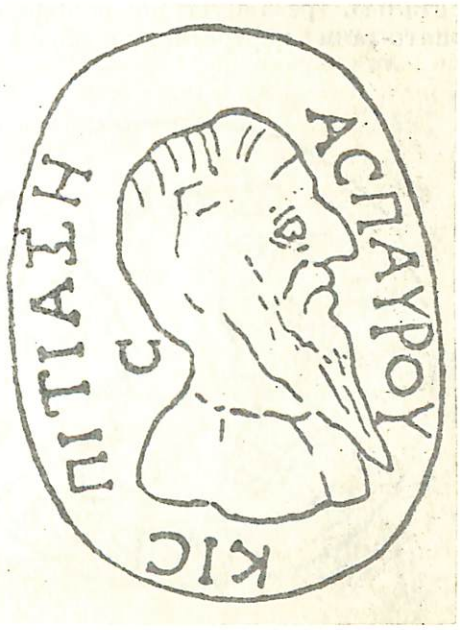

Рис. 1. По фотографическому снимку с оттиска

К той же группе собственных имен, бытовавших у местного населения Боспора римского времени, можно причислить и другие, встречающиеся в боспорских и танаисских надписях аналогичные имена собственные, начинающиеся на *asp-*, например Аспак (Ἄσπακος)[3], Аспандан (Ἀσπάνδανος)[4] и др. В эту же группу входит, конечно, и имя Аспург, ближайшую аналогию которому, несомненно, образует и древнеиберское имя «Аспаврукий» (Ἀσπαυροΰκις), засвидетельствованное на резном сердолике работы II в. н. э. из Мцхета[5]. На сердолике изображен, бесспорно портретный, обращенный вправо профиль бородатого, пожилых лет мужчины, обрамленный круговой надписью на греческом языке: Ἀσπαυροΰ|κις πιτιάξη|ς, т. е. «Аспаврукий, питиахш» (рис. 1). Приведенный рисунок дан по снимку с оттиска; надпись в оригинале читается негативно. Значит, сердолик Аспаврукия служил последнему резной печатью.

Форма Ἀσπαυροΰκις (Аспаврукий) дает в конечном слоге такое же сокращение, какое мы постоянно встречаем на древнеиберской почве в

---

[1] См. С. А. Жебелев, ИАК, вып. 37, стр. 38: Ἀσποῦρ[γος - - - - - ἐν]κυκλίων οἰκο[νόμ]ος; ср. он же, Боспорские этюды, ИГАИМК, вып. 104, стр. 52.

[2] К этимологии имени «Аспург» см. В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, т. I, М. — Л., 1949, стр. 157.

[3] Γάσακος Ἀσπάκου — IOSPE, II, 446, стр. 17 и 447, стк. 24; Т. Н. Книпович, ук. соч., № 85.

[4] Ἀσπάνδανος Λειμάνου — IOSPE, II, 447, стк. 14; Т. Н. Книпович, ук. соч., № 51.

[5] См. Т. С. Каухчишвили, Греческие надписи Грузии, Тбилиси, 1951 (на груз. яз.), стр. 262.

распространенных греко-римских именах типа Αὐρῆλις (=Αὐρήλιος), Κορνῆλις (=Κορνήλιος), Εὐσέβις (=Εὐσέβιος).

Раскопки могилы Аспаврукия дали еще одну интересную параллель к именам, засвидетельствованным танаисскими надписями.

В той же могиле, в которой найден был сердолик с изображением Аспаврукия, покоился костяк, без сомнения принадлежащий самому питиахшу. На поясной части костяка лежала драгоценная застежка богатого пояса. Вделанная в золотую оправу, она представляет собой инталью, резанную по самоцветному камню, альмандину, и дающую, опять-таки портретное изображение профилей двух молодых людей, мужчины и женщины, обращенных лицом друг к другу[1]. Очень возможно, что это родители Аспаврукия. Оба портрета обрамлены надписью (рис. 2), называющей имена изображенных. При женской голове читается имя «Карпак» (Καρπάκ), которое, согласно мнению специалистов может значить «Formosa», «Стройная» или «Красавица». При мужской голове стоит имя Ζευάχης «Зевахис». Над обеими головами, как бы в продолжение имени Зевахиса, читается надпись «ζωή μου». Слово ζωή написано с орфографической ошибкой, не через омегу, а через омикрон. Таким образом, надпись эта значит: «Зевахис — жизнь моя». Приводимый рисунок опять-таки дан по снимку с оттиска: в оригинале имя Карпак, владелицы альмандиновой печати, читается справа налево, как это и полагается на печатях. Надпись же «Зевахис — жизнь моя», напротив, читается слева направо. Можно думать, что она вырезана была на камне позже. Зевахис и Карпак, очевидно, супруги, и надпись сделана от лица жены.

Рис. 2. По фотографическому снимку с оттиска

Имя Зевахис засвидетельствовано еще тремя иберийскими геммами[2] и одной надписью на каменной стеле[3]. Интересное во многих отношениях само по себе, оно позволяет, в частности, предложить другой номинатив несомненно тождественного боспорского имени, взамен того, какой дан был В. В. Латышевым в указателе собственных имен в IOSPE, II, стр. 324. Латышев имел в виду чтение танаисской надписи № 447, стк. 17: •αυάρθακος Ζευάκου[4]. На основании формы патронимика он восстанавливал номинатив: Ζεύακος. Теперь, после открытия мцхетского резного камня, более вероятной следует, повидимому, признать другую форму номинатива от этого имени — Ζευάκης, перекликающуюся с формой, читаемой на мцхетской гемме. Разница тут лишь та, что боспорская форма дает глухой, а мцхетская гемма аспирированный звук.

Свидетельствует ли имя Ζευάκης танаисской надписи 225 г. о прочных связях Боспора специально с античной Иберией лишь II и III вв. н.э.,

[1] См. Т. С. Каухчишвили, ук. соч, стр., 261.
[2] См. Т. С. Каухчишвили, ук. соч., стр. 261 и 263.
[3] Там же, стр. 250.
[4] Т. Н. Книпович, ук. соч., приложение II, № 448.

или же надлежит, что, пожалуй, более правильно, видеть здесь одно из свидетельств культурных взаимоотношений более широкого диапазона? Богатый запас морфем иранского корня мог идти на Боспор, к боспорским грекам, несомненно, не только с горных долин и высот Кавказа или с приморского Закавказья: более чем вероятно, что на языках иранской группы говорило немалое число и тех местных племен, на земле которых возникли и Танаис, и Пантикапей, и Нимфей, и прочие греческие и полугреческие города Боспора. Мне кажется, мы не должны забывать одного из основных обобщений, некогда выдвинутых С.А. Жебелевым в результате его длительных изысканий в области боспорской истории: в обществе античного Боспора мы постоянно имеем дело не только с греками, но также и с местным иноязычным населением, иной, чем греки, этнической культуры, а именно с обществом эллино-скифо-сарматским.